

# Память

В дом, который уже был разграблен их же соседями, семью не пустили. Всех евреев согнали на окраину города. Обязали носить опознавательные звезды из желтых тряпок — «могендóвиды».



## Дневники Нехамы

«Амурская правда» вспоминает историю известной амурчанки, выжившей в аду холокоста

Анна Дёрова

На родную улицу Благовещенска вернулась Нехама Вайсман. Легендарная амурчанка теперь остается рядом с близкими на мемориальной доске. Она была не только выдающимся педагогом, талантливым литератором и первым театральным критиком Приамурья. Во Вторую мировую войну Нехама Иоановна (студенты и коллеги называли ее Анна Ивановна), еврейка по крови, вместе с родителями почти три года провела в фашистском гетто в украинском городе Могилев-Подольском, не надеясь выжить. Она долгое время почти не рассказывала о страшном прошлом. И лишь в свободные 90-е написала автобиографические статьи, а после выпустила книги, которые потрясли современников. В 2009-м Нехамы Иоановны не стало. Вместе с ее сыном, авторитетным российским пульмонологом профессором Юлием Перельманом мы вновь перечитали ее дневники и мемуары.

«Приняли в институт, а ночью началась война»

Июнь 1941-го для Нюси Вайсман был временем надежд. Ей 17, она выпускница, впервые влюблена и мечтает стать врачом. «21 июня нас, окончивших школу с золотыми аттестатами, приняли в институт, а ночью... началась война», — писала Нехама Иоановна в своих мемуарах.

Несмотря на мольбы отца эвакуироваться вместе с другими студентами из Киева, Нехама в товарном вагоне из-под угля вернулась в родной Могилев-Подольский — не хотела оставлять горячо любимых родителей. После ночных бомбежек люди начали эвакуироваться. В семье Вайсман не было денег на поезд — всё израсходовали на дочь-выпускницу. Бежать от немцев хотели на подводе, запряженной лошадьми, надеялись успеть перейти реку Днепр.

Фашисты настигли беженцев в селе Терновка. «Мама часто вспоминала, как ее отец, весь белый, зашел в квартиру и сказал: «Я видел немецкий танк». И когда она расслакалась, он начал ее утешать и сказал: «Придет день, когда я увижу советский танк!», — делится воспоминаниями Юлий Перельман.

Семья решила возвращаться домой — надеялись, там спасут родные стены. Уже в пути поняли: надоходит в аду.

«...Но что это за запах ужасный, что там жгут? Выяснили: через Днепр пригнали в ссылку множество румынских евреев. Больных и стариков, непригодных для передвижения и работы, уничтожают...» — шокируют строки из книги Нехамы Вайсман.

В дом, который уже был разграблен их же соседями, семью не пустили. Всех евреев согнали на окраину города. Обязали носить опознавательные звезды из желтых тряпок — «могендóвиды». И под угрозой смерти запретили выходить за границы гетто.

Помимо чудовищной жестокости фашистов, самым страшным для юной Нехамы стало предательство друзей и соотечественников.

«Маруся Пичкур, моя соученица, почти ежедневно кричала мне

через забор гетто: «Там вже нимци для вас ямы копають!» — и ухмылялась кривой радостной усмешкой. А Ната, с которой были тесно связаны все мои школьные годы, хотя и навестила меня однажды, но в страшный час облавы, когда немцы забирали евреев в лагеря смерти, отказала мне в просьбе спрятаться в их погребке в старом доме на Дачной: «Ну, знаешь ли, папа занимает такое положение...» Я ушла. Я выжила. Я избежала облавы: спряталась в погребке разрушенного наводнением дома. А Женья Ваксенберг попала в Печерский лагерь за Бугом. Ее, как и сотни других схваченных в тот страшный



Нехама Вайсман долго почти не рассказывала о страшном прошлом. И лишь в свободные 90-е написала автобиографические статьи, а после выпустила книги, которые потрясли современников.

стали для него никем (ведь рано или поздно нас всё равно уничтожат). Елизавета Ивановна Карягина, русовед, разрезает в открытом

«МАРУСЯ ПИЧКУР, МОЯ СОУЧЕНИЦА, ПОЧТИ ЕЖЕДНЕВНО КРИЧАЛА МНЕ ЧЕРЕЗ ЗАБОР ГЕТТО: «ТАМ ВЖЕ НИМЦИ ДЛЯ ВАС ЯМЫ КОПАЮТЬ!».

час, расстреляли...» — писала Нехама Вайсман.

Она с ужасом видела, как изменилось отношение к евреям даже у их школьных учителей. «Наш классный руководитель Миколайчук Илья Иванович, математик, стал директором гимназии, а мы

ландо с офицерами, а школьный делопроизводитель стал начальником украинских полицаев», — повествует она в мемуарах.

В 1942 году, узнав, что немцы заняли почти всю Украину, Нехама решила уйти из жизни сама. Отец убедил ее не сдаваться.



Нехама в товарном вагоне вернулась в родной Могилев-Подольский — не хотела оставлять горячо любимых родителей.

И в свой день рождения, 28 января 1942 года, девушка с надеждой написала стихи, которые спустя 80 лет высечены на посвященном ей мемориале:

«Я словно ввысь поднялась,  
Всю Землю окинула взглядом гор-  
ричим  
И с нею, родимой, слилась...»

«Пуля коснулась ее волос»

Может быть, удержала ее от страшного шага большая любовь к родителям. Чтобы прокормить семью, Нехама освоила две профессии — пекаря и продавца. Бралась за любую работу — однажды вместе с отцом вычищала дома, ставшие отхожими местами. Она рисковала жизнью, бегая в аптеку за пределами гетто, чтобы спасти отца от сыпного тифа. И сама перенесла этот недуг.

Несмотря на все тяготы, которые пришлось переживать, мама оставалась красавицей. Родители заставляли ее плохо одеваться, старались делать ее крайне непривлекательной, — делится Юлий Перельман.

«Однажды, войдя в нашу хату, я увидела оцепенело сидевших у столика моих родителей, а с ними — Боже мой! — румынского солдата. Я бросилась к тарелке, наполнила ее сливами, пригласила угощаться. Он улыбнулся (понравилась!), а я стремглав вылетела из дому и спряталась на чужом чердаке. Я просидела там не меньше трех часов, а когда вернулась затемно, родители рассказали мне, что румын не хотел уходить и настаивал на свидании со мной. С трудом им удалось убедить его, что я абсолютно чужая, зашедшая к ним девуш-

ка», — вспоминала в своей книге Нехама Иоановна.

Выстояв почти три года в нищете, унижении и страхе в гетто, она едва не погибла в последний день оккупации.

Офицер румынской администрации заскочил в дом, видимо, хотел чем-то поживиться. Мама бросилась помочь, а он выстрелил ей в голову. Она вспоминала, как почувствовала дуновение от пули, которая коснулась волос. Мамин отец упал без чувств — в этот день он стал седым. Румын выругался и убежал, торопился, не стал доводить дело до конца, — рассказывает Юлий Перельман.

Конец оккупации и казнь фашистов

Нехама Иоановна делилась в своих мемуарах: не верила, что останетсЯ в живых.

Как в день маминой смерти написал мой двоюродный брат, для нее вся оставшаяся жизнь была чудом, — говорит Юлий Перельман.

Ей запомнился счастливый день отступления оккупантов. «Я не могла сидеть дома. Я выбежала во двор и увидела каких-то мужчин в нижнем белье, прятавшихся в кустарнике и с испугом глядящих на меня. Это были немцы! Они уже сдирали с себя обмундирование! Они готовы были отдаться в плен, лишь бы выжить. Это были жалкие трусы, цеплявшиеся за жизнь», — с отвращением описывала она фашистов в своей автобиографии.

В январе 1946 года Нехама Вайсман, студентка первого курса, присутствовала на киевской площади Калинина, где казнили 12 немецких военных преступников.

«Не пойти — не могла... Когда подвезли фашистов и дернулись петли веревок, не выдержала: провалилась сквозь толпу, через заслон машин, к самой виселице... Я так кричала... Он, этот крик, и сейчас стоит у меня в ушах. Нечеловечно! — говорю я себе сейчас, — негуманно. Но пережитые страдания были еще так близки... Раны кровоточили: к этому времени я узнала о судьбе шести миллионов сестер и братьев», — признавалась Нехама Иоановна.

В аду холокоста сгорела почти вся ее родня. «У моей бабушки было 6 сестер, большая часть погибла всеми семьями. Одного ребенка просто разорвали за ножки. Мне очень трудно это обсуждать», — вновь переживает мамину боль Юлий Перельман.

В минуты, когда душа еврейской девушки разрывалась от желания отомстить, она вспоминала о земляках, протянувшим им руку помощи, — например, о простом пекаре Иване Слипеньком, который спас их семью от облавы на евреев.

«Спрятал родителей в погребке и, надев на меня крестик, посадил со своими детьми в комнате. Зашли и ушли немцы, не обнаружив в его квартире ничего подозрительного. В тысячный раз убеждаюсь: ни образование, ни высокий общественный статус, ни генетический код не определяют всецело человека. Только честное, доброе, бескорыстное сердце, которое может принадлежать человеку любой национальности», — рассуждала в мемуарах Нехама Иоановна.



Она ушла в 2009-м, через полтора года после смерти мужа. И за это время успела закончить свою последнюю книгу — о супруге, с которым прошла рука об руку 67 лет.



Красавица Нехама вышла замуж за своего одноклассника Зюню Перельмана. Именно за ним она приехала на Дальний Восток. Вместе они прожили 67 лет.

## Счастье и горе первой любви

Вмешавшаяся в ее жизнь война переписала судьбу заново. После освобождения из оккупации Нехаму вновь не приняли в киевский медицинский институт — сказали сдавать экзамены, ведь прошло три года. Девушка ушла на филфак, тем более, находясь под гнетом фашистов, она впервые начала писать стихи. Удивительно, что в самые мучительные годы Нехама Вайсман не бросала книг.

«А я — читаю. Попала на один из томов Леонида Андреева. Там есть прекрасные вещи: «Иуда Искариот», «О семи повешенных», «Бездна». И всё это так сильно, так сильно, что я невольно зарыдала. Мама удивленно глядела на меня...», — писала юная Нехама в 1942 году в дневнике из гетто. Жестокая война разбила и ее первую любовь. В девятом классе Нюся Вайсман была влюблена в одноклассника Диму Ченайду, встречалась с ним тайком от мамы. В 1944-м, узнав, что его возлюбленная уцелела в оккупации, он писал письма, которые Нехама сохранила на всю жизнь. Тогда она была уверена: ее судьба решена.

### Из письма 10 апреля 1945 года

«До сих пор, и думаю даже навсегда, останется в памяти твое письмо, написанное из Могилева. Твое короткое слово «ДА» сказало мне обо всем. Оно положило конец всем сомнениям, догадкам и неясностям. Ты ведь помнишь, о чем писала?... Помни это и впредь. Помнить буду это и я. Это слово разных дорог сведет нас на одну общую, главную, на дорогу счастья. Целую тебя, миленькая Нюсенька! Целую... Пиши. Твой Дмитрий».

Дмитрий Чекайда получил Орден Отечественной войны, медаль «За взятие Берлина». В июне 45-го Нехама прочла его последнее письмо. Вскоре она узнала: возлюбленный погиб — уже после Победы на пути домой. Ему Нехама Вайсман посвятила повесть «Счастье и горе первой любви», в которой опубликовала его письма с фронта.

— Она попросила у отца разрешения написать эту книгу, — улыбается Юлий Перельман.

Нехама Иоановна часто вспоминала свой выпускной класс: из 21 мальчика с войны вернулись только шестеро. Один из них — Зюня Перельман — и стал ее мужем.

— Я думаю, папа в живых остался только потому, что попал на Дальний Восток. Его бросили туда с Северо-Кавказского фронта, после пехотного училища. После войны он поехал в кратковременный отпуск к родителям и случайно узнал, что мама жива. В школе он и не рассчитывал на ее внимание. Когда папа предложил выйти за него, там и большой любви не было. По крайней мере, не сразу. Но маме хотелось иметь детей, она знала, что отец — хороший человек, — делится Юлий Перельман.

### Дальний Восток

С мужем Нехама Иоановна согласилась отправиться на Дальний Восток. В профессиональной карьере супруга отчаянная Нехама сыграла решающую роль. Муж служил

начальником заставы в населенном пункте Худино, а она устроилась в Благовещенский пединститут. Устав мотаться через Амур, молодая преподавательница решительно поехала в Москву.

— Записалась на прием к начальнику погранвойск Союза — на три часа ночи! Сталин был «совой», и все работали по ночам. Мама описала ситуацию: что с отличием окончила институт, а муж через реку — ни моста, ни парома. Попросила: переведите! Он спросил

что мама оглушительное впечатление производила. В аудитории могла сесть на стол, налить себе кефира и кому-то из студентов предложить. И это не было наигранно. Она воспринимала аудиторию как большую семью, — вспоминает Юлий Михайлович.

Студенты-юноши были в нее влюблены, несмотря на то что зачеты и экзамены по своему предмету — зарубежной литературе — она принимала порой и с 10 раза. В ее домашней библиотеке осталось

дату, я вспоминала в ней о счастливом дне нашего освобождения из гетто. Но... рассказать обо всем подробно не могла. Не хотелось мне во времени бессмысленно погибнуть, оказаться в ряду диссидентов, потерять своих сыновей, любимую работу», — рассказывала Нехама Иоановна в мемуарах.

Но прошлое кричало в ней. Как вспоминает сын, когда в 80-х Нехаму Вайсман избрали депутатом областного Совета, на больших плакатах с ее портретом было написано: беспартийная, еврейка.

— Потом мама оформила документы как несовершеннолетняя узница фашистского гетто. Она ездила на Украину, где оставались в живых свидетели, те, кто с ней был. А уже после развала Советского Союза, когда наступили одуряющие годы свободы, начала писать и говорить всё, что хотела, — вспоминает Юлий Перельман.

Большинство автобиографических книг Нехама Иоановна написала в последние годы жизни. Сыну запомнилась ее фигура за столом при свете ночной лампы: Нехама Иоановна сидела, скрестив ноги и склонившись над работой, — писала и писала, почти не оставляя времени на сон.

— Я хочу умереть на полном скаку! — отвечала она детям, когда они просили щадить себя.

Она ушла в 2009-м, через полтора года после смерти мужа. И за это время успела закончить свою последнюю книгу — о супруге, с которым прошла рука об руку 67 лет.

## В ИЮНЕ 45-ГО НЕХАМА ПРОЧЛА ПОСЛЕДНЕЕ ПИСЬМО СВОЕЙ ПЕРВОЙ ЛЮБВИ. ВСКОРЕ ОНА УЗНАЛА: ДИМА ЧЕКАЙДА ПОГИБ — УЖЕ ПОСЛЕ ПОБЕДЫ НА ПУТИ ДОМОЙ.

ее: «Вы комсомолка? Вас Родина освободила? Терпите. Ваш муж выполняет долг перед Отчизной». А когда мама вернулась, папа уже был начальником благовещенской заставы, — рассказывает Юлий Перельман.

Вероятно, высокого чиновника впечатлила неотразимая еврейская девушка — Нехама никого не оставляла равнодушным.

— Многие первые ученики, особенно мужчины, рассказывали,

около тысячи книг — все она прочла, многие не единожды. «А как она читала стихи! Все рыдали», — делится ее сын.

### «Я хочу умереть на полном скаку!»

Долгие годы Нехама Вайсман не рассказывала публично о чудовищных подробностях пережитого.

«К сорокалетию Победы, выступив со статьей, славящей великую



Мемориальная доска выполнена из двух плит и «летающих» от них голубей как символа вдохновения и утешения. На верхней плите горельеф Нехамы Вайсман, под ним — строчки ее стихов.

